

Т. В. Кленова¹

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Уголовно-правовое регулирование отношений, возникающих в связи с совершением преступлений, осуществляется на двух уровнях — внутригосударственного (национального) уголовного права и международного уголовного права, выражающего интернациональные интересы.

Образование и развитие международного уголовного права связано с определением международных преступлений (преступлений против мира и человечности, военных преступлений) и преступлений международного характера (конвенционных преступлений). К последним относятся преступления, совершенные как в пределах, так и за пределами юрисдикции государства, ответственность за которые устанавливается международными соглашениями с учетом общепризнанной опасности и транснационального характера таких преступлений. Это преступления против прав и свобод личности, экономические и коррупционные преступления, преступления против общественной безопасности, транспортные и связанные с транспортом преступления, преступления против здоровья и общественной нравственности, а также преступления, посягающие на культурное наследие народов².

Международное уголовно-правовое регулирование в историческом развитии рассматривается как вторичное по отношению к внутреннегосударственной кодификации уголовно-правовых норм, потому что международное уголовное право формировалось много позже национальных уголовно-правовых систем, на их основе, и до сих пор нет всех необходимых предпосылок для признания международного уголовного права самостоятельной отраслью права. Первичное значение внутригосударственного (национального) уголовного права проявляется и в том, что принципы и нормы международного уголовного права осуществляются в соответствии с принципами суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципом невмешательства во внутренние дела других государств, а также нормами внутреннего законодательства государств — участников международного соглашения, что специально оговаривается в конвенциях.

Не подменяя уголовное право государств — участников международных соглашений, международное уголовное право определяет пределы и возможности международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, в его источниках устанавливается совокупность преступлений, уголовное преследование за которые обязуются обеспечить договаривающиеся стороны. В отличие от международного уголовного права, в источниках внутригосударственного уголовного права системным методом определяются общие и специальные условия уголовной ответственности, составы преступлений, правила наказания и применения иных мер уголовно-правового воздействия.

Оба направления уголовно-правового регулирования развиваются во взаимодействии. С одной стороны, принципом кодификации норм национального уголовного права стал принцип соответствия уголовного закона общепризнанным принципам и нормам международного права. С другой стороны, международное право испытывает сильное влияние национальных уголовно-правовых систем. Универсальные нормы международного уголовно-

го права появляются в результате взаимодействия национальных правовых культур, прошедших многие этапы развития, сохранивших традиции, выраженных в законодательных, научных, а в некоторых государствах и в религиозных источниках.

Российское уголовное право, испытывая определенное влияние международного уголовного права, не стало отраслью права, безусловно «открытой» для воздействия внешних источников. Даже в 1990-е годы, когда государственная власть затрачивала много сил, чтобы преодолеть обособленность страны в международном сообществе, в Российской Федерации был принят Уголовный кодекс (далее — УК РФ), обеспечивающий централизованное уголовное-правовое регулирование. В ст. 1 УК РФ определено: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс (часть 1). Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права (часть 2)».

При буквальном толковании ст. 1 УК РФ обнаруживается коллизия норм Конституции РФ и УК РФ. По Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем определенные законом, то предусматривается применение правил международного договора (ч. 4 ст. 15). В УК РФ принципы и нормы международного права не определяются составной частью уголовно-правовой системы государства или частью уголовного законодательства. Предполагается их имплементация, то есть воспроизведение и конкретизация в Кодексе.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 5 от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснил судам, что «международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года). Исходя из ст. 54 и пункта «о» ст. 71 Конституции РФ, а также ст. 8 УК РФ уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации» (п. 6)³.

Опыт имплементации норм международного уголовного права в национальное уголовное законодательство не всегда оценивается положительно. Одной ссылки на обеспеченность нормы российского уголовного права конвенционными предписаниями недостаточно, чтобы в общественном мнении и профессиональном правосознании введенное правило признавалось правовым, в смысле правильным, единственно возможным.

¹ Заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

² Иногамова-Хегай Л. В. Преступления международного характера // Российское уголовное право: курс лекций / А. И. Коробеев [и др.]. Владивосток, 2004. Т. 8: Международное уголовное право. С. 174.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12. С. 5.

Так, в соответствии с Федеральным законом РФ от 27 июля 2006 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»» предусмотрена конфискация имущества, но не как наказание, а как иная мера уголовно-правового характера. В новой ст. 104 УК РФ конфискацией признано принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства имущества, либо полученного в результате совершения преступления, либо используемого в преступных целях. Эта новелла законодателя сразу стала предметом критики, как и предыдущее решение — об исключении конфискации имущества 21 ноября 2003 года из системы наказаний и санкций статей Особенной части УК РФ.

В связи с установлением новых правил конфискации имущества законодателя обвиняют и в классовом подходе при определении уголовно-правовых последствий преступлений, поскольку в отказе от конфискации имущества как наказания видится, прежде всего, либеральное отношение к представителям класса собственников, и в нарушении принципа системного регулирования охранительных отношений нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства, где теперь одновременно регламентирована специальная конфискация. Кроме того, обращается внимание, что в отличие от наказания, для конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера не создано необходимых гарантий для предупреждения произвола при применении¹.

Отдельные примеры неуспешной адаптации норм международного права во внутригосударственном законодательстве — это не аргумент против международного уголовного права, а повод для размышлений о взаимодействии этих форм уголовно-правового регулирования. Актуальность проблемы взаимодействия внутригосударственного (национального) и международного уголовного права повышается в современных условиях глобализации преступности. Глобализация экономических и политических процессов обуславливает существенное схождение в криминальной ситуации многих государств, повышение организованности интернациональной преступности. Глобализация, а также возникшее как ответ на вызов явление антиглобализации являются социальными факторами динамики преступности.

Как верно отмечает О. Н. Ведерникова, с глобализацией связаны не только социальные, экономические и политические блага, но и «серьезные отрицательные последствия, в том числе: усиление неравенства между богатыми и бедными странами, рост нищеты, безработицы, финансовой и политической нестабильности в мире, потеря государством в условиях открытой экономики своей прежней регулятивной роли, утрату социальных ценностей, распространение потребительской идеологии, рыночного стиля жизни»². Такая совокупность условий продуцирует совершение преступлений самых разных видов. Что касается антиглобализма, то это движение сопряжено, прежде всего, с правонарушениями экстремистской направленности, в крайних своих проявлениях выражается в насильственном поведении.

Усиление процессов глобализации может привести к развитию событий, при котором будет исключен ме-

ханизм согласования воли разных государств, а значит, снизится значение или вообще будет уничтожено международное уголовное право. По оценке А. Г. Кибальника, относительно места и роли международного уголовного права уже существуют научно и политически обоснованные противоположные позиции, он называет их «глобалистская» и «антиглобалистская». В соответствии с первой точкой зрения выделяется стратегия движения от международного уголовного права к глобальному уголовному законодательству правового государства во всемирном масштабе. Суть второй позиции — в признании преимуществ национальной уголовно-правовой системы и отрицании положительного значения международного права³.

Выделенные варианты развития уголовно-правового регулирования в условиях глобализации преступности соответствуют космополитической и шовинистической стратегиям в отношении различных культур. Об этих стратегиях на VIII Международных Лихачевских научных чтениях говорил А. А. Гусейнов, называя их противоположными и деструктивными: «Первая игнорирует различия культур, вторая абсолютизирует их. <...> Эти опасные тенденции, однако, в одном отношении полезны: они обозначают края пропасти, уходя от которых только и можно достичь желанной золотой середины»⁴.

Уход от крайностей применительно к уголовно-правовому регулированию означает равно уважительное отношение как к национальным уголовно-правовым системам, так и к международному уголовному праву. Эффективная совместная деятельность государств по противодействию международным преступлениям и преступлению международного характера возможна только при наличии базового соглашения, что принципы и нормы международного права осуществляются в соответствии с принципами суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципом невмешательства во внутренние дела других государств, а также нормами внутреннего законодательства государств — участников международного соглашения.

Очевидно, статьи УК РФ должны быть приведены в соответствие с международными договорами, к которым наше государство присоединилось. Исключение коллизий между нормами всех уровней правовой регламентации обязательно при системном законотворчестве. Вместе с тем международные договоры не могут иметь прямого действия на территории России и не являются приоритетными по отношению к нормам внутригосударственного права.

Буквальное следование конституционному положению о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы, во-первых, невозможно, с учетом особенных методов регулирования в международном уголовном праве, где обычно отсутствуют уголовно-правовые санкции, и пробельности конвенционного регулирования, по сравнению с общей частью кодифицированного государственного уголовного закона. Во-вторых, непосредственное применение норм международного уголовного права представляет определенные угрозы. Когда идея приоритета норм международного права получает официальное признание государствами, и не только в связи с правовыми отношениями между государствами и другими участниками международной системы, но и в связи с внутригосударственным правовым регулированием, это объективно снижает значение кодификации национальных правовых норм.

¹ См., например: Институт конфискации имущества в законодательстве государств — членов Совета Европы и в российском законодательстве: материалы Междунар. семинара, 3–6 октября 2007 г. / отв. ред. С. В. Землюков. Барнаул, 2008.

² См.: Тогоидзе Н. В. Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности (материалы круглого стола) // Государство и право. 2001. № 12.

³ См.: Кибальник А. Г. Международное уголовное право и национальные интересы России // Российский ежегодник уголовного права. СПб., 2006. № 6. С. 51.

⁴ Гусейнов А. А. Диалог культур: возможности и пределы // Диалог культур и партнерство цивилизаций: материалы VIII Междунар. Лихачевских науч. чтений, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 66.

При этом допускается отступление от принципа законности при обосновании уголовной ответственности, что является угрозой для режима законности и государственного правопорядка. В соответствии со ст. 8 УК РФ никто не может быть привлечен к уголовной ответственности и осужден за деяние, не предусмотренное внутренним уголовным законодательством, в том числе и за преступление международного характера. И еще. Вывод о приоритетности международного права неизбежно связан с рекомендацией о выдаче лиц с российским гражданством для осуществления правосудия на территории иностранных государств Международным уголовным судом или другими судами. А это уже может расцениваться как угроза государственному суверенитету.

Нормы международного права не предназначаются для применения вместо национальных кодифицирован-

ных уголовных законов и не должны быть результатом навязывания воли одного или нескольких государств, или даже большинства государств. Унификация уголовно-правовых норм возможна лишь в той части, в которой договорятся представители государств, пользуясь правом свободного волеизъявления. Только путем диалога носители национальных правовых культур могут определить уравнивающую позицию по уголовно-правовым вопросам.

Хотя криминальная глобализация — явление новое, противодействие ему должно осуществляться посредством правил, создаваемых с учетом устоявшихся принципиальных положений национальных уголовно-правовых систем. В российском уголовном праве такими основополагающими идеями являются законность, справедливость, равенство граждан перед законом, принцип личной виновной ответственности, гуманизм.